

Леонид Андреев. Памятник

(Эскиз)

Источник: Леонид Андреев. Повести и рассказы в двух томах. М: Худ. литература, 1971.

Электронная версия: В. Есаулов, март 2005.

По Тверскому бульвару, по направлению к Страстному монастырю, шла женщина. Выражение "шла" не совсем верно, впрочем, определяло характер тех движений, которые проделывали ее ноги, стараясь удержаться на осклизлом покате аллеи и в то же время продвинуться вперед, к тому более светлому в окружающем сумраке месту, каким была Страстная площадь. Нот уже третьи сутки моросил мелкий, осенний дождь, не переставая ни на минуту. Воздух настолько был пропитан холодной, все проникающей сыростью, что казалось, еще одна капля и весь он обратится в сплошную, холодную воду, вплоть до низких иссера-темных облаков, непроницаемой нелепой отделивших скучную землю от высокого, спокойного неба с его мириадами равнодушных светил, о которых в этот момент забывала саман пылкая фантазия. Но подвигавшаяся женщина не обладала фантазией. Равнодушно предоставив грязному и мокрому, как гуща, подолу платья облипать мокрые ноги, она заботилась лишь о том, чтобы эти наиболее усталые части ее усталого тела не расползались далее пределов, полагаемых законами равновесия, и подвигали ее к светлому месту, в которое уставились ее глаза. Нельзя сказать, чтобы к этому месту ее влекла необходимость или какая-нибудь ясно осознанная цель. Тот же дождь моросил и там на площади, у этих ярких фонарей; никто не ожидал ее и там, как никто не ожидал ее здесь. Цель же, которая выгнала ее сегодня наружу и бросила в середину сырости, холода и дождя, была равно достижима и там и здесь. Она вышла на работу и находилась в центре рынка того труда, одной из представительниц которого, официально признанной, она была. Но метеорологические условия невыгодно отразились на спросе. Второй уже раз проделывала она нелегкий путь по бульвару, не встречая ни души, даже сторожа, который, согнав ее с бульвара, мог бы внести некоторое разнообразие в однообразную прогулку. Все, кому мог понадобиться ее труд, сидели по портерным и кофейням, куда ей, мокрой, грязной и не имеющей гроша за душой, доступ был закрыт.

Ноги почти переставали слушаться, когда обладательница их добралась до памятника Пушкина и тяжело села на одну из окружающих его скамеек. Дальше идти было некуда. Глубоко передохнув и почувствовав минутное удовлетворение отдыха, женщина обвела вокруг глазами. Прямо перед ней тяжелой и угрюмой массой возвышался памятник. Дождевая вода каплями текла по черному, хмурому лицу, собиралась озерцами в глубоких выемках рукавов и ручейками стекала по складкам плаща. Наискось от женщины сидел какой-то человек. Собственно говоря, только путем наведения можно было догадаться, что это – человек. С внешней стороны это представляло собой, огромный полотняный зонтик, из-под которого виднелось нечто, напоминающее собой ноги. В присутствии последних убеждало то обстоятельство, что большие галоши, какие рисуют обыкновенно в увеличенном размере на вывесках, не могли находиться тут одни без содержимого. Все это – и галоши, и зонтик, и голые, мокрые ветви деревьев, сиротливо тянувшиеся к неприятному небу, оставались в этой мертвой тишине и неподвижности.

Первой подала признак жизни женщина. То, что называется мыслями, не входило в круг отправлений ее организма, и ее обеспокоило неприятное ощущение. Ей захотелось покурить – взять папироску и раза три покрепче затянуться. Потребность в этом "затянуться" становилась все настоятельнее, пока наконец не подняла женщину с места и, без участия воли и размышления, не перенесла ее соседство зонтика, недовольным движением откачнувшегося в сторону. На секунду из-под зонтика мелькнули острые, черные глаза, большой крючковатый нос и черные с проседью усы, с выражением негодования и обиды топорщившиеся кверху, – и вновь скрылись под серой полоти иной поверхностью.

– Покурить нету? – прозвучал сиплый голос, странно нарушивший тишину и принятый женщиной за чужой.

Но на самом деле он принадлежал ей.

– Нету, – после некоторого молчания глухо донеслось из-под зонтика.